

В весеннем ветре постепенно обретал плоть и кровь, оживал одинокий силуэт сбежавшего и скитающегося юного царевича.

Одежда Чжуан Цзяня насквозь пропиталась холодным потом, выступавшим слой за слоем, и капли, падавшие с его коленей, звенели, словно рассыпавшийся по земле жемчуг.

Наследный принц тихо произнес:

— Позже, заметив, что я сбежал, он в панике бросился в погоню среди ночи, желая убить меня. Я был мал, убежать не смог, и он догнал меня. Я изо всех сил вцепился зубами ему в запястье. Испугавшись боли, он отпустил меня, а тот человек, что был с ним, схватил его и швырнул меня на землю. Он видел, как другой бьет меня, как меня хотят убить, но даже не попытался спасти. В сердце моем смешались ненависть и страх, но мне пришлось опуститься перед ним на колени и молить о пощаде: «Моя матушка и ты были названными сестрами, ты не можешь меня убить!» Он смягчился и позволил мне уйти, но вместе с тем человеком ударил меня в спину, и я сорвался в горную пропасть. Он всегда был так вероломен, погубил и мою матушку, и меня.

Лю Юби продолжал:

— Бежав тогда, я думал про себя: какое возмездие пошлют небеса этому человеку, совершившему столь отвратительное, противное самой природе злодеяние? И все же я молил небеса даровать ему здоровье и долгие годы, чтобы он дожил до тех дней, когда власть окажется в моих руках, и тогда я сам устрою на него погоню, заставлю бежать по всему свету, не находя нигде спасения! Настань такой день — я с радостью отдал бы самое дорогое сокровище, заключил бы сделку с самими небесами, лишь бы этот человек сполна познал, каково это — спастись бегством, быть загнанным в угол, когда жизнь висит на волоске! Лишь тогда в божественном правосудии появился бы смысл, лишь тогда исполнились бы слова о кармическом возмездии!

Он опустил голову, глядя на Чжуан Цзяня, а Чжуан Цзянь смотрел в пол, крепко сжав правую руку и не смея поднять взор к небесным божествам, что реют в трех чи над головой!

Земля была мокрой. В грязи, размытой потом, отражалось его лицо, а с щек и волос все еще катились капли.

— Спустя долгое время, вернувшись во дворец, я узнал, что матушка действительно погибла в смуте в Сяньяне. Но лишь я один видел своими глазами, как в ту ночь именно он убил вдовствующую императрицу и проник в задние покои, чтобы покончить со мной. Там расправиться со мной было неудобно, и нас увезли из Сяньяна, намереваясь убить в диких горах. Но позже, по докладам сановников, он сгорел во время пожара в усадьбе Чжуанов в Сяньяне! Я не верю. Разве человек, столь трепещущий перед смертью, мог погибнуть в Сяньяне?

Лю Юби бормотал про себя:

— Каждый в этом мире может погибнуть в пожаре войны, сгинуть в пыли мятежного века. Но

этот подлец, убивший мою матушку, убивший меня, убивший моего второго младшего брата, посмел после этого предаваться утехам с мужчинами в диких полях! Должно быть, он необуздан и безумно смел. Только он способен укрыться где-нибудь так надежно, что его не сыскать, и беззаботно радоваться жизни. Он никак не мог умереть! Он наверняка где-то смеется над тем, что я не могу его поймать и отыскать. Как же я ненавижу его... Убийство моей матери — кровная врата, которую не смыть, я жажду стереть его в порошок, но в итоге позабыл его черты, не могу вспомнить его лицо. Стоит лишь произнести его имя, как сердце пронзает боль и жгучая ненависть. Мне хочется немедленно послать людей схватить его, предать медленной смерти, бросить в темницу и смотреть, как он умоляет о жизни, стоя на коленях. Ненависть лишает меня сна и покоя. Ненависть заставляет убивать! Ненависть жжет так, что хочется вырезать подчистую всех до единого людей по фамилии Чжуан во всем поднебесном мире!

— Этот человек глуп, несообразителен, беспутен и сладострастен до безумия! Дел до конца не доводит, врагов не добивает. Оставляет бесконечные беды на потом. Как же я ненавижу себя за то, что не поступил с ним еще решительнее — разве уничтожение его до конца не избавило бы от всех будущих бед и не уберегло бы людей от страданий? Но он, видите ли, пощадил меня! Спас жизнь, сыграв роль великого и благородного героя! Но спасти меня до конца он тоже не смог!

И эта жеманная, насквозь гнилая и лицемерная бездарность еще мнит себя образцом благородства, верности и человеколюбия! При мыслях о таком мягкотелом добряке, ни к селу ни к городу, меня охватывает такая ненависть! Ненависть перехватывает дыхание! Ненависть отзывается дикой болью во всем теле! Ненависть жжет мое сердце и печень!

— Ненависть заставляет меня желать убить его одним ударом!

Глядя на макушку Чжуан Цзяня, он с искаженным от боли лицом скрипел зубами так, что казалось, они треснут, прижимал руку к груди и дрожал всем телом. В огромном зале царила мертвая тишина, слышно было лишь то, как одно за другим слетают с его губ слова ненависти. Сердца всех присутствующих заледенели.

Они не видели собственными глазами первой встречи и столкновения этих двоих, но сейчас, слушая его рассказ, понимали: тот мимолетный взгляд в детстве, те два дня побега и смертельной погони в горах и лесах были упомянуты им вскользь, словно нечто незначительное, но каждая мелочь отпечаталась в его памяти предельно ясно и отчетливо — это была неизгладимая, вьевшаяся до мозга костей боль!

Должно быть, пережитая в прошлом глубокая рана и страшные испытания потрясли его столь сильно, что сломили его душу и породили крайний, граничащий с безумием страх и ненависть, — лишь так можно было столь «непринужденно» произносить слова наивысшей, точащей зубы злобы.

Чжуан Цзянь слегка подрагивал, глядя в трещины каменного пола. Весь этот поток яростных обвинений, упреков и горьких поношений, полных неисцелимой обиды и нежелания смириться, — каждое слово здесь разило наповал, каждое предложение оглушало.

Он ненавидел не Чжуан Цзяня — он ненавидел то, почему он так сильно ненавидел Чжуан Цзяня!

Он ненавидел не само убийство — он ненавидел того человека, который убил!

Он ненавидел не убийство как таковое — он ненавидел то, что убили его самого!

Лю Юби смотрел на стоящего на коленях посреди зала узника. Он долго дрожал, но так и не смог унять дыхание.

Принц дрожащим голосом спросил:

— Кто стоит на коленях внизу? Не Чжоу Вэйчжуан ли? Как я встретился с тобой? Кажется, я увидел тебя в бордовом доме? Впервые увидев Чжоу Вэйчжуана, я почему-то сразу возненавидел тебя: ты был и непослушным, и грязным, и при этом обладал превосходным умом и талантом, да еще смел мешать мне учить уму-разуму других. Тогда я подумал: на кого же похожа эта противная манера поведения? Где я уже видел это самодовольное выражение лица? Я никак не мог взять в толк.

— Позже я придумывал способы проучить тебя, а ты, хоть и злился, но всегда беспомощно, с кривой улыбкой подыгрывал мне, и при этом никогда не ошибался. В моем сердце одновременно жили обида и злость. А затем в Цинъюэском дворе ты спас мне жизнь. В те дни все спасались бегством, а ты бросился в огонь ради меня. Чжоу Вэйчжуан, как же я был благодарен тебе в душе! Я не говорил этого вслух, но был искренне благодарен! Я не трехлетний ребенок, не видевший лишения и считающий все вокруг само собой разумеющимся! Ты пришел спасти меня! Я очень благодарен тебе!

Чжуан Цзянь смотрел на собственные колени, шея его казалась отяжеленной тысячепудовым камнем, не позволяя поднять голову. Он весь сжался, превратившись в острое шило, желая провалиться сквозь землю, чтобы больше никогда не показываться на свет.

Пусть эти обвинения и брань лишат его жизни, только бы не говорить о сокровенном. Каждое такое слово резало его плоть и терзало совесть — разве может человек жить без сердца?

Лю Юби, глядя куда-то вдаль за окно, медленно промолвил:

— Второй раз ты отважно отразил убийцу канцлера и снова спас мне жизнь. Ты перепилил ножом железную цепь, что душила меня, позволив мне наконец вздохнуть. Чжоу Вэйчжуан, быть может, ты не знаешь: этот нож — тот самый кинжал, который когда-то метнул в меня Чжуан Цзянь, едва не лишив меня жизни! Я носил его с собой десять лет, засыпая с ним каждую ночь. Этот нож некогда пытался убить меня, но в тот день он меня спас. Точно так же, как в прошлом Чжуан Цзянь дал мне смерть, а ты, Чжоу Вэйчжуан, подарил мне жизнь. Оружие — вещь неодушевленная, а люди живые! Я всё прекрасно понимаю, Чжоу Вэйчжуан! Больше на свете не найдется второго человека, который поступил бы со мной столь благородно и пожертвовал бы ради меня жизнью! Я ничего не говорил тебе, но в глубине души считал тебя родным человеком! Чжоу Вэйчжуан.

На лице Лю Юби наконец проступило выражение мучительной боли:

— Чжоу Вэйчжуан, реки и горы необъятны, башни уходят ввысь на сотню чи, но где же моя родная обитель для сердца?! Ты никогда не принимал мои слова всерьез!

Чжуан Цзянь из последних сил сдерживался, не проронив ни звука. Его луна, его пристанище для сердца — разве это не было намеренным сведением в могилу?

Наследный принц разрывался от боли, его лицо исказилось:

— Чжоу Вэйчжуан, когда ты отправился со мной в Сяньян, я был так счастлив, поистине счастлив. На постоялом дворе горы Цзюцзюнь ты снова отбил нападение убийц и спас меня. Ты отравил вино и противостоял наемникам, молча дав мне возможность сбежать — всё это приносило мне огромную радость! Ты предвидел переворот, отправил других с посланием в Лоян, и в самый критический момент Пэй Лян с большой армией разбил людей Цао и вновь спас мне жизнь!

— Чжоу Вэйчжуан, ты спасал меня четырежды. Ты спасал мою жизнь, помогал устранять сильных врагов и мостил для меня дорогу. Ты шел рядом, наблюдая за моими шагами, на каждом шагу спасая и защищая меня. Без тебя я бы давно погиб от несчастной случайности. Не говоря уже о сегодняшней императорской власти и всей мощи государства — даже за одно лишь спасение жизни я храню благодарность в сердце! Никогда в жизни не забуду этого!

Чжуан Цзянь, словно бездушная кукла, стоял на коленях посреди огромного зала. Он слушал словно в полусне, будто речь шла о поступках кого-то чужого, а его душа давно унеслась куда-то далеко.

Лю Юби прижал руку к груди, и на его лице наконец проступило выражение жгучей муки. Лишь теперь он произнес тяжелые слова упрека:

— Чжоу Вэйчжуан, я не понимаю: если ты не отпускал меня в своем сердце, то и ладно, пусть я этого не знал. Почему ты не ушел далеко-далеко, зачем поехал со мной в Сяньян?! Разве не смешно выглядело то, как я расточал тебе знаки внимания и тратил на тебя столько сил?! В ту ночь ты смеялся надо мной? Ты хотел затянуть меня в бездонную пропасть, из которой нет возврата, да?

— Чжоу Вэйчжуан, моя жизнь и смерть во власти небед, тебе не нужно было беспокоиться обо мне и пытаться что-то исправить. У каждого своя предопределенная судьба. Но тебе не следовало спасать мне жизнь лишь для того, чтобы потом вырвать мое сердце и бросить его на скалы — ты насмеялся над моими чувствами? Ты считал мои чувства гроша ломаного не стоящими, теми, что можно развеять по ветру?!

Глядя на Чжуан Цзяня, Лю Юби наконец заплакал:

— Чжоу Вэйчжуан, ты... разве ты имеешь право смотреть мне в глаза?!

Этот тяжелый упрек Чжуан Цзянь стерпеть уже не мог. Его лицо мгновенно побледнело, к горлу подступил тошнотворный сладковатый привкус крови. Стиснув зубы, он с трудом проглотил его.

Лю Юби прикрыл половину лица рукой, и слезы полились из его глаз сквозь пальцы.

Глаза его были полны слез:

— Чжоу Вэйчжуан! Ты... и есть Чжуан Цзянь?! Ты... неужели ты прятал в своем сердце Чжуан Цзяня, чтобы насмеяться над моими чувствами? Чжоу Вэйчжуан?! Ты... неужели ты скрывался за личиной Чжоу Вэйчжуана, чтобы снова причинить мне боль? Чжуан Цзянь?!

Уголки рта Чжуан Цзяня были солеными от крови, меж зубов ощущался ее привкус. Даже если бы ему приставили к горлу мечи, он не смог бы поднять голову. Оказаться в положении, когда некуда деться от стыда — пожалуй, это как раз и есть те самые чувства и та самая картина.

Слезы на лице Чжуан Цзяня уже высохли, сам он был бел и бледен, словно фарфор, а в сердце зияла пустота, и душа его давно рассеялась. Ни единого трепета, казалось, даже дыхание пропало на губах. Если бы время могло повернуться вспять, а реки потечь в обратную сторону, он предпочел бы погибнуть от отравленного вина или меча наемника, сгинуть за десять лет скитаний по миру или сгореть в пожаре сяньянского мятежа, чем вынести это мгновение невыносимого позора.

Он, некогда самый добрый и совестливый человек на свете, превратился в самого вероломного, презренного и бесчестного подлеца.

Еще немного — и от увиденного и услышанного он сойдет с ума.

Эти слова давили тяжестью гор, ставя его перед выбором между жизнью и смертью.

Чжуан Цзянь поднялся на ноги и бросился к выходу. Несколько стражников бросились наперерез, но он отчаянно вырвался из их рук и, спотыкаясь, побежал к дверям. Охрана пришла в ужас, по всему залу поднялся шум, стражники бросились ловить преступника.

Лицо Ло Аошэна резко изменилось, он поднял руку, но не успел отдать приказ громким голосом. Стоявшая у входа в зал стража лавиной ринулась вперед, взмахивая клинками и направляясь прямо к беглецу. Несколько внезапно взметнувшихся у дверей алебард вонзились в ноги Чжуан Цзяню. Если бы не приказ оставить опасного преступника в живых, стражники давно пронзили бы его грудь насквозь.

Чжуан Цзянь почувствовал жар в ногах, потерял равновесие и рухнул на пол. Тюремщики тут же со всех ног бросились на него, придавив всем весом, и в зале воцарился страшный беспорядок.

Наследный принц Лю Юби дрожа поднялся с кресла. Прижав руку к груди, он смотрел на происходящее в зале.

Лицо Ло Аошэна позеленело, в несколько шагов он преодолел расстояние до толпившихся в центре зала людей. Все поспешно отступили в стороны. Алебарду уже вытащили из ноги Чжуан Цзяня, и оттуда хлынула кровь. Ло Аошэн опустился на колени и прижал руку к раненой ноге.

Стоявшие рядом стражники испугались, с десятков людей бросились удерживать конечности преступника, не давая ему шевельнуться.

Кровь из ноги Чжуан Цзяня залила ладони и рукава Ло Аошэна, продолжая сочиться сквозь его пальцы.

Чжуан Цзянь лежал навзничь, не имея возможности пошевелиться. Тюремщики прижимали его к полу; не глядя на них, он обратился издали к наследному принцу Лю Юби:

— Простите меня, Чжоу Вэйчжуан ушел в ту ночь, когда бушевали мятежники Цао. Он лишь просил Ваше Высочество стать хорошим императором и навсегда запомнить это. Чжоу Вэйчжуан и Чжуан Цзянь — два разных человека, прошу Ваше Высочество запомнить это.

Сказав так, Чжуан Цзянь с трудом снял с шеи шелковый шнурок, к которому была привязана маленькая печать, и бросил ее на пустой пол.

Он спокойно произнес:

— Это вещица, которую некогда подарила Чжоу Вэйчжуану покойная императрица Цао Цзе с напутствием защищать наследного принца. Теперь, когда Ваше Высочество вскоре взойдет на престол, Чжоу Вэйчжуан наконец завершил свое императорское поручение и может доложить об исполнении.

Нефрит звонко ударился о каменный пол, и лицо наследного принца Лю Юби резко переменялось. Он торопливо наклонился и поднял маленький нефритовый камешек. Упав на землю, нефрит раскололся надвое. Дрожащими руками Лю Юби сопоставил обе половинки — на них красовались четыре вырезанных золотом печати: «Видя киноварь, принимаешь за зелень».

Сжимая в ладони две половинки разбитого нефрита, Лю Юби так крепко сжал их, что из его ладони закапала кровь.

Чжуан Цзянь не испытывал ни сожалений, ни раскаяния — он чувствовал себя подобно великой реке, что безмятежно течет вперед. На душе у него было спокойно.

Все десять лет эти слова таились в глубинне его сердца, и вот наконец, будучи высказаны

разом, они принесли такое долгожданное облегчение:

— Нынешний преступник — это Чжуан Цзянь. Десять лет назад по воле императора я казнил наложницу, убил кормилицу и покушался на жизнь наследного принца. Пусть на то были причины и злого умысла с моей стороны не было, но убийство людей ради спасения семьи — грех, от которого не отмыться. За убийство платят жизнью, за долги — серебром. Таков извечный закон. Чжуан Цзянь покоряется приговору и принимает наказание.

Он отвел взгляд, легко улыбнулся Ло Аошэну и промолвил:

— В прошлые годы я больше всего на свете боялся боли, с детства часто терпел побои и не переносил телесных страданий. Но сегодня, приняв столько ударов алебард, я не чувствую ни малейшей боли.

Он с легкой улыбкой добавил:

— Мои ноги едва не сломаны, но я не ощущаю никакой боли. Похоже, я наконец вырос. И больше не боюсь боли.

В его голосе звучали легкая отрешенность и едва уловимая горечь.

Ло Аошэн подумал про себя: дело вовсе не в том, что ты перестал бояться боли — просто душевная боль стала настолько сильнее телесной, что заглушила ее. Если повернуть назад нельзя, то лучше и не оглядываться.

Допросить преступника дальше было невозможно, и Чжуан Цзяня вернули в темницу суда Дали в ожидании конца.

После того визита принца его несколько дней не вызывали на допросы. Он сидел в камере, залечивая раны, и дни текли в каком-то тумане: если бы не поднимавшееся на востоке и заходившее на западе солнце за тюремным окном, он бы и вовсе потерял счет времени и пространству.

Яркая луна за окном освещала тысячи осеней, освещала дома бесчисленных людей. Когда-то он был мал и мечтал осветить лишь собственный очаг, а в худшем случае — хотя бы самого себя. Теперь же не суждено было сбыться даже этой крошечной мечте.

С поврежденными ногами Чжуан Цзянь сидел у стены, прислонившись к ней спиной, и от нечего делать принялся выводить пальцем узоры на каменной кладке. Он так увлекся, что даже не заметил, как в темноте у входа в камеру появился глава суда Дали. Проследив взглядом за движениями его пальца, Ло Аошэн мысленно прочитал то, что тот выводил:

Идешь, идешь вперед и вновь идешь,

С тобою разлучаемся навек.

Меж нами — миль и тысяч океан,

Живем на разных краях белых туч.

Северный ветер треплет яркий свет луны,

И плывущие тучи застилают небосвод.

Уж слишком долгим оказался этот путь,

И пояс день за днем становится все слабже на талии;

Тоска по милому старит людей быстрее,

А годы незаметно клонятся к закату.

Чжуан Цзянь медленно выводил пальцем строки на стене, а Ло Аошэн следил за ними глазами, словно зачарованный. Тоска по милому старит людей быстрее, а годы незаметно клонятся к закату. Тоска по милому старит людей быстрее, а годы незаметно клонятся к закату.

Ло Аошэн тихо повторял про себя эти строки, и тяжелые мысли казались слишком непосильной ношей для его сердца.

Тот, кто хранит молчание, вовсе не сделан из железа. Он молчит, но на сердце у него горше полыни, а боль в груди и слезы горше вдвойне.

Чжуан Цзянь медленно обернулся и посмотрел на него с безмятежным выражением лица.

Ло Аошэн уже во второй раз тайно навещал темницу — визиты сюда наверняка доставляли немало хлопот главе суда Дали. Тот стоял за железными решетками, и прутья заслоняли его лицо. Чжуан Цзянь с трудом подполз к каменному ложу у самой двери камеры. Один конец ложа вплотную примыкал к железным прутьям.

Ло Аошэн стоял у входа, глядя, как тот подвигается ближе, и спросил:

— Как твоя нога? Стало лучше?

Чжуан Цзянь промолчал.

Ло Аошэн произнес:

— Кое в чем я так до конца и не разобрался. Быть может, придется снова позвать принца в суд Дали.

На лице Чжуан Цзяня промелькнула боль, но в конце концов он покачал головой:

— Не нужно. Моя нога так сильно болит.

Оба прекрасно понимали истинные намерения друг друга.

Ло Аошэн знал: заставляя принца вернуться в суд Дали, он намекает Чжуан Цзяню опуститься на колени и искренне вымолить прощение. Дело это было трудным, но не лишенным лазеек — при хорошем плане и удачно выбранном моменте мог забрезжить слабый шанс на спасение.

Ло Аошэн понимал и Чжуан Цзяня: если тот снова увидит возвращение принца, он не станет ограничиваться лишь столь простым членовредительством, как сломанная нога.

Чжуан Цзянь опустил голову, а затем снова поднял ее, глядя на зарешеченное окно в стене. Мягкий лунный свет струился в камеру, заливая этот крошечный клочок земли нежным сиянием. Лунный свет согрел сердце Чжуан Цзяня, и он вдруг забормотал про себя:

— Странно ведь. Сейчас я скован цепями по рукам и ногам, и раненая нога не позволяет мне ходить, но тело мое невесомо, словно я могу взмыть ввысь. Я тысячи и десятки тысяч раз представлял себе, как стоит мне произнести фразу: я — Чжуан Цзянь, как рухнут горы и развергнется земля, и жить мне станет больше незачем. Кто бы мог подумать, что после этих слов мне станет так легко и радостно? Словно с плеч свалился огромный камень, и на душе впервые за долгое время легко. Чжоу Вэйчжуан хорош, но это не я. Я не Чжоу Вэйчжуан, я — Чжуан Цзянь! Сейчас мне хочется крикнуть всему миру: я — Чжуан Цзянь!

Ло Аошэн склонил голову, глядя на него, и мягко произнес:

— Это потому, что в твоём сердце всегда жило добро, а оковы, что ты накладывал на себя сам, были тяжелее любых железных цепей. С этой минуты ты сможешь спать спокойно каждую ночь и каждый день ходить с поднятой головой.

Чжуан Цзянь словно озарился изнутри:

— Оказывается, в этом мире и вправду нет преград, которые нельзя перешагнуть.

Ло Аошэн посмотрел на него и произнес с глубоким чувством:

— В этом мире, Чжуан Цзянь, и вправду нет слов, которые нельзя было бы произнести вслух.

Лицо Чжуан Цзяня прорезала невыносимая боль:

— Больше не нужно. Всё, что следовало сказать, я уже сказал, и скрывать мне больше нечего.

Ло Аошэн протянул руку и крепко сжал железный прут, а на его лице отразилась затаенная скорбь:

— О Чжуан Цзянь, Чжуан Цзянь, неужели ты поберег всю переполняющую твое сердце тоску, чтобы поведать ее владыке преисподней?

— У меня нет никакой тоски и никаких затаенных обид, — покачал головой Чжуан Цзянь. Опустив голову, он не смел поднять взгляд — чужие слова и искреннюю заботу он больше не мог принять. Брови Чжуан Цзяня сошлись на переносице, словно чей-то клинок полоснул по внутренностям, он затаил дыхание, ощутив, как к горлу подступает знакомый сладковатый вкус, но сумел подавить его.

Глава суда Дали произнес:

— Чжуан Цзянь, коль скоро у тебя нет ни тоски, ни обид, то почему ты то и дело выводишь на стене: Уж слишком долгим оказался этот путь, и пояс день за днем становится все слабже на талии; Тоска по милому старит людей быстрее, а годы незаметно клонятся к закату? С кем ты разлучился навек, по кому слабеет твой пояс на талии? По кому тоскуешь ты, отчего стареют твои годы? Разве станет человек писать: Тоска по милому старит людей быстрее, а годы незаметно клонятся к закату, если в его сердце никто не живет?

Чжуан Цзянь открыл рот — и из него хлынула алая кровь. Эти слова много дней таились в глубине его души, скрытые от всех. Но сегодня Ло Аошэн сорвал с них покров одним-единственным вопросом. В этот миг и в этот час сердце Чжуан Цзяня окончательно рухнуло.

<http://bllate.org/book/21149/2144294>